

«ЧТОБЫ УТРУ РОДИТЬСЯ ПОМОЧЬ...»

Заметки о творчестве
Евгения Пермяка

НА УРАЛЕ все располагает к тому, чтобы писать. Есть даже гора Карандаш в окрестностях Златоуста (раньше здесь добывали графит). Так что чем писать — не вопрос. А уж о чем — тем более! Россыпи поэтического, сказочного тут — прямо под ногами...

Богатейший материал дает Урал художнику. И не случайно в истории отечественной литературы уральцы — поэты и прозаики — занимают место почетное. Среди них — Евгений Пермяк. Вышедший в Средне-Уральском книжном издательстве четырехтомник Е. Пермяка выглядит солидно. Но, заметим, составлен он отнюдь не по принципу «по амбарам пометем, по сусекам поскребем», а с большим отбором. В него вошло меньше половины того, что создал Е. Пермяк за сорок с лишним лет работы.

Не секрет, что иной пишущий, потаровитей, чтобы понравиться публике, поступает примерно как Василий Петрович Киреев из романа Е. Пермяка «Старая ведьма». Василий Петрович, знатный сталева и человек широкой души, когда надумал свататься, явился к невесте не с пустыми руками: «Он принес ни много ни мало две пары серег, три брошки, часы-браслет и серебряные с позолотой сахарные щипчики. Что попало под руку в ювелирном, то и купил».

Вот листаешь, бывает, «составленную» таким образом книгу и видишь: серьги, брошки, браслет, даже сахарные щипчики — все тут, все, как по описи! Витрина — есть. Богатая витрина. А книги... нет.

Щипчики щипчиками, а любовь любовью. Любовь у Василия Петровича Киреева была, и такая, что о ней стоило рассказывать... Потому и взялся писатель за перо.

Когда при упоминании Е. Пермяка критики все в один голос дружно начинают говорить о колорите, мне еще одним подголоском в этот хор вливается не хочется. Не потому, что все — елки, а я одна — береза. Но... подождем о колорите. Важно все-таки другое. Ведь, как бы ни были причудливы наличники, дом-то с фундамента строится!

Есть у Людмилы Татьяничей стихотворение «Междузорье», посвященное Евгению Пермяку:

В междузорье
вмещается день,
В междузорье
вмещается ночь.
Я искала траву одолень,
Чтобы утру
Родиться помочь.

«Чтобы утру родиться помочь» — не в этом ли суть

всякого творчества? Именно так и понимает свою писательскую задачу Е. Пермяк. В его романе «Яргород» Полихроний Сергеевич Зотов — «музейный человек» рассказывает сказку о дарах владычицы Ойль. Ойль была некогда цветком таким благоуханным, что в одно прекрасное доисторическое утро Солнце даровало ей бессмертие. Ойль превратилась в золотисто-смуглую женщину. Однако нашлась завистница Стихия (увы, зависть появилась на свете уже тогда, в те доисторические времена, и почему-то мамонты вымерли, а завистники — нет), сумевшая низвести Ойль «глубже подземных вод в царство темных горимых морей». С той поры миновали века, тысячелетия. Миллионы лет...

Да ведь это — сказка о нефти! — воскликнет дотошный истолкователь всякого сна (есть и такие). И я поклонюсь ему в пояс: спасибо, догадался! А потом — поклонюсь ему еще ниже, чтобы он больше ни о чем не догадывался. Все равно ведь для него нефть — это нефть. А женщина, цветок Ойль, и Сын Солнца, Первый Луч — не более чем «романтический антураж».

Мне же хочется, читая и перечитывая Е. Пермяка, сказать следующее. Не ищите в сказках утилитарного, прикладного смысла. Ковер-самолет и коврик у порога — может, и родня, да только очень дальняя. На ковре-самолете летают за тридевять земель. О коврике вытирают ноги. Опять-таки, если рассудить практически, конь без крыльев в хозяйстве нужнее, чем конь с крыльями... А все-таки, скажем, на гербе родного моего города Златоуста красуется именно крылатый конь.

Сказки Е. Пермяка неотделимы

от жизни. Неотделимы они и от его поэтической прозы. То есть можно, конечно, поместить сказки «как таковые» отдельно (в четвертом томе), а романы — в других, предшествующих томах. Но как же быть с теми сказками, которые находятся внутри романов? И, наоборот, с теми, которые, видоизменяясь, как бы «вбирают» роман внутрь себя? «Сказка о сером волке», например, у Е. Пермяка — это не сказка, а маленький роман... И «Старая ведьма» — тоже!

А «Горбатый медведь»? Это — историко-революционный роман, произведение сложное, многоплановое и, конечно же, реалистическое. Но посмотрите, разве не сказочно его начало? Восьмилетний Маврик — будущий взрослый Маврикий Толлин — коротает зимние сумерки один, дожидаясь мамы. Время от времени он лезет под кровать посмотреть, кто попался в мышеловку. «Попалась очень скромная, тихая мышка. Не бегает, не бегаёт, не старается улизнуть. Среди таких мышей и встречаются заколдованные феи, добрые волшебницы».

Трудно отделить тут правду от вымысла. Вот такая сказочность и составляет атмосферу художественных произведений Е. Пермяка. Так рождаются его романы-сказки...

Вот, например, «Сказка о сером волке». К Петру Бахрушину, председателю уральского колхоза, неожиданно-негаданно приезжает брат Тимофей, американский фермер... Когда то он бежал с армией Колчака. Брату и жене прислал ложное извещение о своей якобы гибели. И вот надумал беглый «серый волк» наведаться в родные края, вымошлить у родных прощение. А как увидел маленького Сережу, своего внука, — так и пустил слезу, словно хворая сосна смола, Шевельнулось что-то человеческое в волчьей душе...

Решил было даже остаться в Бахрушах, да в последний момент снова «встал на четвереньки», и, как сложила про него свою быль-небыль старая Тудоиха, «...тихой лунной ночью он тайно покинул Бахруши, не вильнув даже хвостом на прощание за хлеб-соль спящему селу...». Но Сережа, успевший привязаться к своему новому «гренд па», не может поверить этой бабушкиной сказке. «Если бы он был волком, то Сережа заметил бы когти, или зубы, или хотя бы злые глаза».

Но в том-то и дело, что в жизни случается всякое. Когти и зубы не всегда видны. И не только такому несмышленишу, как Сережа. Ведь и его многоопытная бабушка Дарья Степановна — обманутая жена Трофима, — и та на какой-то момент поверила было, что серый волк может обернуться человеком. Не потому, как выразилась острая на язык Тудоиха, что Дарья — «овца», а потому, что в те считанные часы, когда Трофим строил «почти настоящую» доменную печь для Сережи, ловил с ним щучку в реке, а потом по прось-

бе внука отпустил эту щучку обратно в воду, к ее щурятам-внукам, он и впрямь был человеком.

Не будь этих сцен, не покажи Е. Пермяк короткого, но такого драматического борения в душе Трофима человеческого и волчьего, образ уступил бы место плакату, «агитке». Е. Пермяк находит художественное решение.

Именно потому, что Е. Пермяк — своеобразный художник, его прозаические вещи так трудно пересказывать. Они не поддаются аннотированию. Скажем, роман «Старая ведьма» — о чем он? О том, как ведьма, «ведьмее всех ведьм», впервые придумавшая колдовское слово «мое» и тем разъединившая людей, чуть было не опутала вконец рабочего человека красивой души Василия Киреева? О том, как опомнился наконец сталева Киреев и вырвался из ее пут? Да, конечно, роман обо всем этом... Но насколько бедна схема в сравнении с романом!

Скажем, вот привычное выражение: деньги не пахнут. Но как обыграно оно в «Старой ведьме». Теща Василия Киреева, всеми правдами и неправдами (в основном — неправдами) накопив гридцать тысяч в исчислении до 1961 года, не доверила эти деньги банку. Жирно смазав свиным салом горшок и обернув его для надежности аптекарской клеенкой, она закопала драгоценный сосуд в подполе. И что же? Деньги... съели мыши. «Учуж сало, они... проникли в горшок и стали есть пропавшие свиным жиром и просаленные многими руками сторублевки» И мыши сумели обмануть свой голод ровнехонько на тридцать тысяч рублей... Вот вам и «не пахнут»!

Е. Пермяк неистощимо изобретателен в сюжетостроении. Его проза в самом хорошем смысле этого слова занята. Почти в каждом романе у него есть своего рода «вставные новеллы». А, скажем, «Сольвинские мемуары» — это вообще ожившая легенда. На одном дыхании, не отрываясь читаешь и «Царство Тихой Лутони». Читаешь, а впечатление такое, что слушаешь! Заметим, кстати, что и в том, и в другом романах Е. Пермяк счел необходимым ввести сказочника. «Сольвинские мемуары» автор сам определяет как «роман пересказа», а желающих вступить в «Царство Тихой Лутони» уведомляет на пороге повествования, что в основу романа им положена «устная повесть», будто бы рассказанная ему неким Лаврентием (Матвеевичем Рябинкиным — «говорящим архивом»). Так это или не так, автору виднее, но замечу, что если даже Рябинкина не существовало на самом деле, то теперь, после того как его ввел на страницы своего романа Е. Пермяк, он существует реально. И я слышу его речь:

«Послушаешь иную новину и подумаешь — какая же это грухлявая старина, замшелая сказка в новой раскраске, знакомая кошка в заморской одежке, а когти те же. Но забытое — не убитое, вспомнишь — и оживет».

Слова здесь цепляются одно за другое, кудрявятся, как стружки, сползающие с верстака... Невольно вспомнился «Ручной лебедь» Василия Казина:

Плавай, плавай,
Величайший,
Вдоль шершавого русла!
Цапай, цапай
Цепкой лапой
Струи стружек и тепла!

Признаюсь, мне легко представить себе Евгения Пермяка не за письменным столом, а — именно — склонившимся над верстаком, под цветущей яблоней в саду... Все бело — и от медово пахнущих стружек, и от яблоневых лепестков... Плавают «вдоль шершавого русла» ручной величайший лебедь...

Светлана
СОЛОЖЕНКИНА